

чем нам известно от Лебедева, сообщившего князю следующие подробности о генерале: «Это бы ничего-с, маленькая слабость, но сейчас уверял, что всю его жизнь, с самого прапорщичьего чина и до самого одиннадцатого июня прошлого года, у него каждый день меньше двухсот персон за стол не садилось» (8, 198).

Свидетельство последнего заставляет думать, что Иволгин начал службу в эскадроне драгун, поскольку в армейской кавалерии он имел бы не «прапорщичий чин», а чин корнета, и позднее чин штабс-ротмистра, а не штабс-капитана. Драгуны были наиболее массовым видом кавалерии российской армии в период Отечественной войны.¹⁰ За отличия в войне 1812—1814 годов четыре драгунских полка были награждены георгиевскими штандартами, один полк — георгиевскими трубами, два полка — знаками на каски «За отличие».¹¹ Рассказы о подвигах этого рода тяжелой кавалерии воинская традиция чтит долго, передавая их из поколения в поколение. М. Ю. Лермонтов, сам прослуживший некоторое время прапорщиком, облаченным в темно-зеленый мундир драгуна, в знаменитом Нижегородском полку на Кавказе, в стихотворении «Бородино» специально упомянул «драгун с конскими хвостами».¹² К этому лермонтовскому шедевру, правда говоря о Петровской эпохе, в романе «Идиот» скрыто обратился другой «кандидат в Наполеоны» — князь Мышкин — в словах: «тогдашние люди... совсем точно и не те люди были, как мы теперь, не то племя было, какое теперь, в наш век...» (8, 433; 9, 456). Ардалион Иволгин, наделенный красноречием и возбуждавший восторг своими каламбурами в офицерском обществе 40-х годов (8, 418), должно быть, узнал в молодости немало занимательных рассказов о войнах с Наполеоном от своих более старших сослуживцев, участников наполеоновских войн.

Неизвестно как происходило производство Ардалиона Иволгина в последующие чины, но можно утвердительно сказать, что он имел всего лишь чин штабс-капитана, когда Аглае Епанчиной было шесть лет: «Помню, всё помню! — вскричал он. — Я был тогда штабс-капитаном» (8, 203). Поскольку в первой части романа автор четко определил возраст Аглаи — ей «только что исполнилось двадцать» (8, 16), то путем несложных вычислений получается, что драгунским штабс-капитаном Иволгин был в самом начале Крымской войны 1853—1856 годов и тогда ему было уже не менее сорока одного года. Чин штабс-капитана русской армии, согласно существовавшему тогда порядку, относился к десятому классу таблицы о рангах и от самого младшего генеральского чина (генерал-майор) его отделяло шесть классов. Логично предположить, что взлет карьеры Иволгина пришелся как раз на период Крымской войны, когда ему удалось проявить свое служебное рвение, храбрость и выдающиеся способности командира. Вероятно, что именно к тому времени относятся воспоминания генерала о себе как о человеке, «заслуженном у государя своего», который «знаки имеет, знаки отличия...» (8, 394).

Поэтому герой так часто и обращается к теме этой войны, о которой в романе также будет вспоминать его ровесник (тоже «человек лет пятидесяти пяти» — 8, 33) «скептик и светский циник» (8, 38) Тоцкий. Но если первый «сын двенадцатого года» проливал на фронте свою кровь, то последний косвенно способствовал гибели в этой войне своего обманутого приятеля Пети Верховского (8, 129).

Генерал Иволгин чаще всего вспоминает о событиях, происходивших на кавказском фронте Крымской войны, а именно об осаде Карса, что заставляет полагать, что он действительно отличился при осаде и взятии этой крепости русскими войсками под командованием генерала от инфантерии Н. Н. Муравьева. Драгун-

¹⁰ В начале 1812 года в российской армии было 6 гвардейских, 8 кирасирских, 36 драгунских, 11 гусарских и 5 уланских полков (*Подмазо А. А., Турусов В. П.* Драгуны // Отечественная война 1812 года. Энциклопедия. М., 2004. С. 257).

¹¹ Там же.

¹² *Лермонтов М. Ю.* Бородино // Лермонтов М. Ю. Собр. соч.: В 4 т. Л., 1979. Т. 1. С. 371.